

ной борьбе с самодержавием».

Встреча с большой женой была недолгой: все-таки ему не удалось обойти царских ищек. Приход полицейских оборвал свидание.

14 января на перроне Балтийского вокзала Петербурга видели жандармского офицера, который сопровождал Горького.

У вокзала их ожидала карета с решеткой, которая проследовала в Петропавловскую крепость.

Теперь он, Горький, объявлялся «по распоряжению его превосходительства коменданта крепости» узником Трубецкого бастиона. Камера 39. Захлопывается за ним дверь, окован-

Трепов был чрезвычайно зол на Горького, в особенности на его жену, которая долго укрывала «государственного преступника» Н. Э. Баумана (партийная кличка «Грач»). За голову «Грача» полиция объявила награду в 10 000 рублей серебром, филеры сбились с ног, охотясь за ним, а М. Ф. Андреева прятала Николая Эрнестовича у себя дома, затем на квартире друзей. Узнав об этом, оберполициймейстер Д. Ф. Трепов метал молнии.

Теперь он отыграется, теперь Горький в его руках, и «Трепов злая и глупая, жестокая и тузая скотина» мечтал свести счеты.

На всех трех допросах Горький категорически отвергал выдумку о каком-то политическом заговоре, но не отказывался от авторского воззвания.

УЗНИК ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

Ранним утром двенадцатого января 1905 года на привокзальную площадь г. Риги вышел высокий, худой, чуть сутулый мужчина. Искусно сделанный парик и грим помогли ему избежать филеров, которые давно сновали в вокзал.

Извозчика он не взял, хотя к этому знакомому адресу «Ветринна-Дамба, дом № 2» путь был не близким. Тем лучше. Можно убедиться, что за тобою не следят, да и есть время подумать, как успокоить жену, которая после травмы (надо же, что это случилось с актрисой), да еще с его женой М. Ф. Андреевой) лежала с высокой температурой.

Было время еще и еще раз убедиться и в правильности своего решения написать воззвание «Ко всем гражданам России и общественному мнению европейских стран». Это подтверждали и развертывающиеся события, и его пусть не открытые, но не двусмысленные беседы со спутниками, ехавшими в Ригу.

Да иначе он, Максим Горький, не мог бы поступить, будучи очевидцем кровавых событий в Петербурге. Вот почему в воззвании с особой силой он подчеркнул, что министр внутренних дел был предупрежден депутацией о миролюбивых намерениях рабочих, которые с детьми и женами, с хоругвями и иконами, в праздничных одеяниях шли просить царя о помощи.

Именно поэтому в воззвании говорил он, Максим Горький, бойню нельзя иначе назвать, как «предумышленное и бессмысленное убийство множества русских граждан, а так как Николай Второй тоже был осведомлен о миролюбивом характере рабочего движения его бывших подданных, безвинно убитых солдатами, и, зная это, допустил избивание их, — мы и его обвиняем в убийстве мирных людей, ничем не вызвавших такой меры против них. Вместе с тем мы заявляем, что далее подобный порядок не должен быть терпим, и приглашаем всех граждан России к немедленной упорной и друж-

ная холодным железом. Веданная в пол топорная железная койка, к стене прикреплен железный столик, даже электрическая лампочка, под самым потолком, ограждена железной решеткой. Решетка на окне. Сводчатый потолок. Мрачное помещение, Горькому холодно в тюремной одежде.

Сразу по прибытии Алексея Максимовича в крепость, ее комендант генерал Эллис спешно доложил департаменту полиции: «Уведомляю Ваше превосходительство, что сего числа по распоряжению департамента полиции доставлен в крепость и заключен в отдельную камеру Трубецкого бастиона обвиненный в государственном преступлении писатель Алексей Максимович Пешков. О чем вместе с сим всеподданнейше донесено государю императору».

Обвинение против Горького и его воззвание лежали на столе императора России.

Потянулись тяжелые дни заключения. Суглавный ревматизм, большие легкие, холод и сырость каземата сделали свое пагубное дело. Поднялась температура, началось легочное кровохарканье. Документы по расследованию шли по инстанциям. Теперь они находились у генерала Трепова. Последнее слово было за ним — Петербургским генерал-губернатором.

В. И. Ленин в статье «Трепов хозяйничает» писал: «Один из наиболее ненавидимых всей Россией слуг царизма, назначенный диктатором после 9-го января, добивается суда над Горьким. Арестованным членам депутации предъявили нелепейшие обвинения в намерении организовать «временное правительство» России на другой день после революции. Понятно, что это обвинение падет само собой».

При этом он добавлял, что готов нести сам полную за это ответственность.

В защиту Горького включаются общественные, прогрессивные силы. В России проходят бурные собрания, митинги, а за границей видные ученые, писатели подписывают прошения об его освобождении.

Известные всему миру писатели Марк Твен (США), Анатоль Франс, Ромен Роллан (Франция), Грация Деледа, Марко Расписарди (Италия) подписали прошение в защиту Горького.

И царскому правительству пришлось уступить. С обязательными условиями: выкуп в десять тысяч рублей и немедленный отъезд из России, Горький выходит из Петропавловской крепости. За месяц тюремного заключения он почти закончил пьесу «Дети солнца», в которой резко противопоставлены народ и оторвавшаяся от него интеллигенция.

Горький с женой поселяются в Куоккала под Петербургом (ныне пос. Репино), на даче Линтулла на берегу Финского залива.

Впервые со своей новой пьесой Алексей Максимович знакомит друзей в репинских «Пе-

натах». И. Е. Репин запечатлел этот момент, оставив нам рисунок «М. Горький читает свою пьесу «Дети солнца». Под свежим впечатлением рассказов Горького о кровавом воскресенья, жизни в заключении художник пишет картины «У царской виселицы», «Красные похороны», «Разгром демонстрации».

В «Пенатах» не только впервые слушали «Детей солнца», здесь была осуществлена их первая постановка. Она состоялась летом, на даче в Оллиле (ныне пос. Солнечное) в деревянном здании, купленном и приспособленном женою Репина Н. Б. Нордман-Северовой для публичных лекций и концертов. Играли любители. Только центральную роль Лизы исполнила жена Горького — Андреева — актриса Московского художественного театра.

Над Горьким еще висел дамоклов меч, он находился под следствием. В ожидании судебного процесса А. М. Горький писал К. П. Пятницкому: «Об отклонении от суда не может быть и речи, напротив, — необходимо, чтобы меня судили. Если же они решат кончить эту неумную историю административным порядком — я немедленно возобновлю ее, но уже в более широком масштабе, более ярком свете и добьюсь суда для себя — позора для семейства Романовых и иже с ними».

Если же будет суд и я буду осужден — это даст мне превосходное основание объявить Европе, почему я революционер и каковы мотивы моего преступления против существующего порядка избивания мирных и безоружных жителей России, включая и детей».

После декабрьского вооруженного восстания 1905 года, после активного участия А. М. Горького в первой русской революции, он, несомненно снова был бы арестован.

Выполняя поручение партии, он уехал в эмиграцию.

В Петропавловской крепости на двери камеры 39 висит фотография Алексея Максимовича Горького — великого пролетарского писателя.

Н. ВОЛОХОВА

